

ДЕЛО, КОТОРОМУ ТЫ СЛУЖИШЬ

К 120-летию со дня рождения Б. В. Дидковского.

Летом 1970 года туристы Уральского университета совершили восхождение на одну из самых недоступных вершин Приполярного Урала, гору Дидковского, и установили там скульптурное изображение Б. В. Дидковского. В честь этого человека названы также улицы в городах Верхотурье и Павда. Кто же он, чье имя занесено на карту нашей Родины?

Борис Владимирович Дидковский принадлежал к самой малочисленной группе большевиков – группе лиц, имеющих высшее образование. На 1923 год их было всего 0,6% от состава РКП(б). Знания Бориса Владимировича были глубоки и разнообразны. Он окончил Киевский кадетский корпус, был студентом электротехнического и вольнослушателем физико-математического факультета университета в Петербурге. Завершил образование в Женевском университете (бакалавр математических и геологических наук). Учеба в высшей школе растянулась на 13 лет. Причина станет ясной, если мы вспомним, что это было за время: 1900–1913 годы. Они вместили в себя не только напряженные научные занятия, работу ради куска хлеба (репетитором, чертежником, служащим минералогической конторы), но и печатание, распространение листовок, транспортировку с австрийской границы нелегальной литературы, руководство антиправительственными демонстрациями и забастовками, эмиграцию. Подружившаяся с Дидковским на чужбине И. А. Войкова вспоминает: «Борис настолько правдив, что порой кажется смешным. Ради правды он готов был отдать свою жизнь». Привыкшего идти в первых рядах протестантов, его дважды жестоко избивали жандармы.

Время было серьезное, и оно выковало характер у Дидковского серьезный и одновременно азартный. Недаром в 1907 году от социал-демократов Дидковский ушел к анархистам. В 1906 году во время извержения Везувия, стремясь разгадать тайны геологического строения Земли, он умудрился вплотную подобраться к вулкану, отбирая образцы различного пепла из лав. Влюбленного в мир минералов, старательного студента заметил профессор Женевского университета, специалист в области изучения месторождений руд благородных металлов Луи Дюпарк. В 1913 году вместе с ним Дидковский вернулся в Россию и занялся геологическим исследованием Северного Урала, получив место главного геолога Николае-Павдинского горного округа. За 1913–1917 годы Борис Владимирович успел провести топографическую и геологическую съемку округа, поиск и разведку месторождений платины, золота, угля, железа и т. д. При нем на приисках перешли от старательской к механизированной добыче платины. Он же заведовал одной из современных, лучших для того времени драг.

Пожалуй, такого администратора на Урале не выдвали. Согласитесь, что даже в суматошные февральские дни 1917 года в обязанность высокооплачиваемого, привилегированного специалиста не входило разоружение полиции и руководство рабочей стачкой. На три года геология была отодвинута на задний план. Искать приходилось не платину и железо, а хлеб для голодающих рабочих. Ведь Дидковский, большевик с марта 1917 года, был председателем продовольственной управы в Верхотурье. Пришлось руководить не геологической съемкой, а вооруженными отрядами. Это было подобно тому, как в студенческие годы азарт исследователя гнал его на головокружительные кручи за интересными образцами минералов. Азарт революционера толкал его на поступки весьма авантюрные. Чего стоил, например, захват власти в Верхотурье. Дело было так. Большевикам стало известно, что Совет рабочих депутатов намереваются разогнать. Необходимо было форсировать ситуацию. Не важно, что у рабочих была всего одна винтовка, а у противника – тридцать. Решительность и внезапность тоже чего-нибудь стоят! И вот через пыльную площадь, к зданию, где разместился вооруженный отряд сторонников Временного правительства, двинулось трое в солдатских шинелях, но с одной винтовкой. Подошли. Распахнули дверь. Дальше предоставим слово самому Борису Владимировичу. Он вспоминает: «Говорю караульным: “Оружие на стол!” А их человек пять-шесть. Сам оборачиваюсь и отдаю команду. Как будто у меня там целый отряд. И они подчинились...»

Отдельного рассказа требует другая операция, которая тоже прошла под руководством заместителя председателя Уральского областного Совета рабочих депутатов Дидковского: перевод бывшего царя Романова из Тобольска в Екатеринбург и расстрел августейшего семейства...

Но не одна же винтовка рождает власть! Власть рождает умелое хозяйничанье на своей земле. Дидковскому, как члену Уральского правления национализированными предприятиями, это было особенно ясно. И хотя заботам о финансировании и оборудовании приисков, об организации новых геолого-разведочных работ не было числа, побольше бы таких забот.

Так нет! Пришлось опять воевать. Октябрь 1918 года. Из Москвы, где Борис Владимирович участвовал в подготовке правительственного постановления о национализации уральской промышленности, он попадает в самое пекло Гражданской войны. Ехал лишь с заданием выяснить обстановку, а пришлось срочно формировать отряды добровольцев, руководить обороной Кытлымо-

Павдинского района, единственного советского участка на восточном склоне Среднего Урала. Район был важным в промышленном и стратегическом отношении. Во-первых, на его территории располагались богатейшие платиновые прииски, во-вторых, он лежал на пути белых к поселку Кизел – угольной базе Советской России. Держали фронт более трех недель, прикрывали отход огромного обоза с драгоценным металлом и ценнейшим оборудованием. Дважды попадали в окружение. Сражались в условиях, типичных для того места и времени: в 35-градусный мороз, плохо одетые, опухшие от голода, кое-как вооруженные. Громоздкий обоз эвакуированных сковывал маневренность отряда. Тем не менее левый фланг 3-й армии, который прикрывали бойцы Дидковского, белые так и не смогли обойти. Отряд прошел с боями более 300 километров от Павды до Юрлы и вырос с 70 до 800 человек. Его ветераны вспоминали своего сурового, сдержанного командира как отца родного. Его собранность, дисциплинированность были фантастическими. Он приучил себя мало спать, не распускаться ни при каких обстоятельствах, переносить любое недомогание на ногах, никогда не жаловаться, не искать сочувствия, не выражать сочувствия словами – помогать делом. Таким он был в годы войны, таким и остался в мирное время. Возможно, иначе он просто не смог бы выполнять партийные поручения. Вот далеко не полный их перечень за 1920–1924 годы: руководство геологоразведочными работами на Урале, Уралпланом, краеведческим музеем, организация Уральского университета. Это все одновременно!

На протяжении 20-х годов в центре внимания Дидковского была проблема районирования. Он руководил научным коллективом, определяющим границы Уральской области. Конечная цель работы – превращение Урала в огромный комбинат, связанный сетью энергопередач, железных и шоссейных дорог, управляемый в основном из Екатеринбурга. Научно-технической базой Уральской области должен был стать новорожденный Уральский университет. В 1920 году Дидковский, как председатель Горного совета ВСНХ на Урале, вошел в состав организационного комитета Уральского университета. На него обрушилось огромное количество поручений, начиная от участия в разработке устава университета, осуществления общего руководства организацией горного института в составе университета и кончая обеспечением преподавателей и студентов пайками, дровами, огородами и жилищной площадью. В 1921 году Дидковского назначили ректором УрГУ. К этому времени университет оказался на грани закрытия. Финансирование из центра покрывало лишь 50% потребностей вуза, несмотря на то, что уже сократили половину преподавателей и сотрудников, расходы свели к минимуму. Единственным выходом было обращение за поддержкой к уральской промышленности. В результате настойчивых ходатайств Дидковского в августе 1922 года Уральский областной съезд работников промышленности и транспорта согласился оказывать университету поддержку в размере 0,5% отчислений от общей суммы зарплаты, выдаваемой в уральской тяжелой промышленности. Университет закупил за границей большое количество химических реактивов, приборов, чертежных принадлежностей, иностранной литературы. Библиотека университета увеличилась с 17800 томов в 1920 году до 100 000 томов в 1922-м. Дидковский организовал новую кафедру – поиска и разведки месторождений полезных ископаемых, лабораторию механического обогащения полезных ископаемых, единственную в то время в РСФСР. Оживилась работа химико-металлургического научного кружка преподавателей и студентов, вышел в свет первый номер «Известий Уральского

государственного университета». Почти все преподаватели университета активно участвовали в работе Уральского общества любителей естествознания, Уральского металлургического общества, Уральского медицинского общества. Геологи, горняки, металлурги, химики, лесники, медики и другие специалисты университета наладили связь с горнодобывающими, металлургическими, химическими предприятиями Урала. Многие профессора работали в Уралплане, Уралпромбюро, трестах, синдикатах, здравотделах Екатеринбургской губернии... В 1924 году Уральский университет завершил 110 научно-исследовательских работ, из них 85% были выполнены по заданиям уральской промышленности. За 1922–1924 годы университет подготовил 78 дипломированных медиков. На подходе были крупные выпуски геологов и металлургов. 1923 год стал, по общему мнению, первым нормальным учебным годом в истории университета. Но в 1924 году Дидковский уже не был ректором. Уход его драматичен и связан с решением основного вопроса революции – вопроса о власти. На роль хозяев университета претендовало две группировки: коммунистическая фракция во главе с Дидковским и кружок профессоров, лидером которых был выдающийся ученый-металлург, сторонник просвещенной монархии В. Е. Грум-Гржимайло. Ректора обвинили в том, что он слишком резко и прямолинейно проводит коммунистическую линию. Противостояние завершилось компромиссом. Летом 1923 года наиболее известные адепты идеи академической автономии деканы горного и медицинского факультетов А. А. Гапеев и И. А. Левин были высланы из Екатеринбурга в Москву и Нижний Новгород, где они также занимали руководящие посты в высшей школе, но и Дидковский подал в отставку. Причем Борис Владимирович просил начальника Екатеринбургского отдела ГПУ оставить декана медицинского факультета И. А. Левина во время следствия на свободе. Просьба, которая делает честь Дидковскому, ведь И. А. Левин был одним из самых непримиримых его оппонентов и не раз заявлял, что Дидковский управлять университетом не способен. Если с большинством студентов технических факультетов отношения Дидковского так и не наладились, то для рабфаковцев он был своим человеком. Он добывал для них стипендии, пайки, одежду, помог организовать профсоюзные ячейки и клуб, занял господствующее положение во всех студенческих и факультетских органах. М. Н. Букина, жена Бориса Владимировича, вспоминает: «Ректору выделили пролетку. Обычно он кого-нибудь к себе подсаживал. Нередко студенты забирались в нее сами без стеснения. Часто Дидковский выходил из пролетки и шел пешком, окруженный молодежью...»

С университетом связь сохранилась и после 1923 года. Преподаватели УрГУ А. Е. Маковецкий, А. Н. Иконицкий, Э. К. Лейрих, С. Н. Остроухов, А. И. Смирнов работали в Уралплане над генеральным планом хозяйства Урала; Борис Владимирович до 1930 года читал лекции в Уральском политехническом институте (так с 1925 года стали называть Уральский университет). Слушавшие эти лекции студенты отмечали, что они просты по форме и чрезвычайно содержательны. Импонировало умение преподавателя увязывать текущие проблемы с отдаленными перспективами, заглядывать далеко вперед.

Некоторое представление о деятельности Дидковского в Уралплане дают сохранившиеся материалы и доклады: «Ориентировочная схема 5-летнего перспективного плана по каменноугольной промышленности Урала (1923–1927)»; «О работе по составлению плана электрификации области, о кустарной промышленности Уралобласти»; «О пятилетнем перспективном плане

дорожного строительства» (февраль 1926 года); «О состоянии и перспективах основной химической промышленности Урала» (июль 1926 года); «Урал как промышленный комбинат и его перспективы на ближайшее пятилетие» (декабрь 1928 года). В 1924 году по инициативе и на средства Уралплана под руководством Бориса Владимировича была организована Северо-Уральская экспедиция. В течение пяти лет экспедиция обследовала огромную территорию Приполярного Урала. Результаты исследований использовались Уралпланом при составлении плана первой пятилетки. Тогда-то благодарные ученые и присвоили одной из самых высоких точек Исследовательского кряжа имя Дидковского.

Генеральный план реконструкции Урала, разработанный при участии Дидковского, предусматривал строительство шести заводов-гигантов в Свердловске, Нижнем Тагиле, Магнитогорске, Челябинске. Но развитие сырьевой базы Урала резко отставало от темпов индустриализации. В октябре 1930 года Дидковский назначается управляющим Уральского геологического управления. Он разыскивает специалистов, привлекает для консультации видных ученых (академиков А. Е. Ферсмана, Д. В. Наливкина, И. М. Губкина), комплекзует геологические партии и рассылает их по всему краю – от южных отрогов Урала до Заполярья. С большим трудом выбивает буровое оборудование. Впервые в геологоуправлении между центром и полевыми командами устанавливает двустороннюю радиосвязь. Знает по имени и отчеству не только всех начальников партий и геологов, но и буровых мастеров, коллекторов, многих рабочих. Дверь в его кабинет в любое время открыта для любого человека, подобно Дидковскому, влюбленному в Урал. Как когда-то о рабфаковцах, Борис Владимирович заботится о быте своих новых подчиненных: он в курсе того, вовремя ли выдают им зарплату, как обстоит дело с продовольствием, есть ли спальные мешки, газеты, книги, работает ли радио...

В 30-е годы сотрудники Уральского геологического управления открыли и разведали огромные запасы железной руды, бокситов, бурых углей, хромитов, калийных солей. Были проведены геологические и геофизические съемки, впервые составлена геологическая карта Урала. Вокруг Дидковского с годами вырос сильный коллектив геологов, в числе которых были бывшие студенты Уральского университета М. И. Гарань, С. В. Горюнов, К. Е. Кожевников...

М. Б. Дидковский, сын Бориса Владимировича, вспоминает: «Я и мои сестры редко видели отца дома. Трудно представить, как хватало его время на все. Он был членом Уральского областного Совета рабочих депутатов, членом ЦИКа (теперь это – депутат Государственной думы), всевозможных президиумов, бюро (от облисполкома до геолкома), делегатом XVI съезда ВКП(б) и конференций, очень часто ездил в геологические экспедиции – и все это, несмотря на плохое здоровье, подорванное лишениями дореволюционной жизни, Гражданской войны, трудными годами послевоенного восстановления. В нашей квартире всегда было многолюдно. К отцу приезжали геологи и красные партизаны, ученые и студенты. Вместо сказок мы слушали рассказы наших гостей...»

В феврале 1936 года Бориса Владимировича без всяких объяснений сняли с работы. Временами его охватывало отчаяние: «Не знаю, что делать и что делают со мной! Имею опыт, знания, желание, силу, а меня лишают самого дорогого – работы». Когда январским вечером 1937 года его уводили, Борис Владимирович успокаивал жену: «Товарищи разберутся, и через три дня я

вернуть». Следующая и последняя их встреча состоялась 3 августа 1937 года, в день объявления приговора. «Будем говорить только о деле», – сразу предупредил жену Борис Владимирович. Последним делом его жизни было руководство подготовкой к 17-й сессии Международного геологического конгресса, который летом 1937 года проходил впервые в СССР. Необходимо было в кратчайший срок создать геологический музей с коллекциями и картами, показать достижения геологической науки за 20 лет советской власти. Дидковский был готов к этому заданию. Еще в молодости он изучил почти все минералогические музеи Европы. За свою жизнь собрал по крайней мере четыре крупные минералогические коллекции. Одна из них была подарена Женевскому университету, другая экспонировалась в Кремле, последняя легла в основу знаменитого Уральского геологического музея. Готовясь к геологическому конгрессу, Дидковский в содружестве с другими геологами разработал для его участников маршруты геологических походов по наиболее примечательным местам нашего края. Борис Владимирович давал жене советы, как лучше раскрыть перед зарубежными гостями богатства уральских недр, как следует одеться, чтобы не ударить в грязь лицом перед иностранцами...

Через несколько часов он предстал перед Военной коллегией Верховного суда СССР, которая предъявила ему обвинение: участие в террористической организации правых на Урале. Мы никогда не узнаем, какими соображениями руководствовался Борис Владимирович, признавая себя виновным. Возможно, подобно своему другу, герою Гражданской войны Сергею Витальевичу Мрачковскому, расстрелянному в августе 1936 года, Борис Владимирович считал, что нужно любой ценой спасти партию, которая одна способна спасти революцию. Приговор – высшая мера наказания... Реабилитирован 22 сентября 1956 года.

В. А. Мазур, директор музея УрГУ